

Т. Г. Кучина, О. С. Рогозина

Повествовательная структура рассказа Дмитрия Бакина «Стражник лжи»

Статья посвящена рассмотрению повествовательной организации рассказа Дмитрия Бакина «Стражник лжи» (1996). Основное направление анализа – разграничение сферы компетенций повествователя и персонажей, выявление интерпретационно значимых особенностей их соотношения в тексте.

Ключевые слова: Бакин, «Стражник лжи», повествователь, точка зрения, сфера компетенций, экзистенциальные темы.

T. G. Kuchina, O. S. Rogozina

The Narrative Structure of the Short Story "Strazhnik Lzhi" by Dmitry Bakin

The subject of this article is a structure of prosaic narration by the modern Russian writer Dmitry Bakin. The paper deals with demarcating zones of characters and the narrator's consciousness in the short story "Strazhnik Lzhi" ("The Guardian of Lie") and establishing of correlation between them which is relevant for interpretation.

Keywords: Bakin, Strazhnik Lzhi, a narrator, a point of view, narrative competence, existential problems.

Проза Дмитрия Бакина уже в середине 1990-х годов была предметом обсуждения в американских университетских учебниках по литературе, в то время как для российской критики она и по нынешний день остается terra incognita. Несколько коротких комментариев, посвященных Д. Бакину, в обзорных статьях ведущих литературных публицистов (Н. Ивановой [4], К. Степаняна [6]), разработка школьного урока (С. Белокурова [3]), пара рецензий на сборники прозы (М. Синельникова [2], Т. Касаткиной [5]) – вот, похоже, почти вся библиография литературно-критических работ о творчестве писателя. Между тем проза Д. Бакина была высоко оценена уже в самом начале его литературной карьеры: «Bakin is an impressively interesting and powerful stylist, a literary presence of great seriousness and promise... What interest him most, it would appear, are mysterious, and often supernatural, forces and impulses that motivate his characters, who themselves have symbolic significance» [7, p. 176]. Плотность, «весомость» повествовательной ткани в прозе Д. Бакина отнюдь не противоречит внятно ощущаемому в каждом рассказе «потустороннему сквознячку», проникающему в тугие, медленно раскручивающиеся сюжеты. Присутствие смерти прямо в жизни и попытка человека отстоять свой персональный мир – главная тема таких рассказов Д. Бакина, как «Оружие», «Страна происхож-

дения», «Лагофталм», «Нельзя остаться», «Стражник лжи». На более подробном рассмотрении последнего произведения мы и сосредоточимся.

Одна из ключевых проблем анализа рассказа – разграничение сферы компетенций повествователя и персонажей. В формировании смысловой структуры текста важно взаимодействие точек зрения четырех персонажей: центрального героя – Кожухина, его матери – Аллы Сергеевны, Ирины – сестры умершей жены Кожухина, нотариуса. Формально безличное повествование насыщено приметам «чужой» речи и «чужих» точек зрения – несобственно-прямой речью, раскатыченными репликами (иногда даже монологами) героев, маркерами пространственно-временного положения того или иного персонажа. Свойственное классическому нарративу всезнание безличного повествователя (и, как следствие, доверие к нему читателя) в рассказе «Стражник лжи» перестает быть абсолютным: вместо «правильной» объективной версии событий читатель получает просвечивающие друг сквозь друга субъективные позиции персонажей.

Они кардинально различаются: Кожухин считает, что его жена не умерла. Его мать, Алла Сергеевна, полагает, что Кожухин не может смириться со смертью любимой женщины. Ирина, так же как и Алла Сергеевна, не ставит под со-

мнение смерть Ольги. Но ее позиция осложнена уверенностью, что Кожухин и Алла Сергеевна хотят свести ее в могилу, как и Ольгу. Какую же точку зрения читатель может рассматривать как источник достоверного знания и как повествователь маркирует разные точки зрения?

Первой в тексте возникает точка зрения матери Кожухина, Аллы Сергеевны, именно в ее видении представлены отношения Кожухина и Ольги до ее смерти: «Она была поражена, насколько легко он отнесся к этому событию, не попытавшись даже остановиться во времени, тогда как прежде, в годы их совместной жизни, каждый скандал, каждая перебранка оборачивалась для него сознательным временным тромбом» [1, с. 107]. Мать ясно осознает, что в восприятии Кожухина исчезновение Ольги – лишь следствие очередной «ссоры», а все его действия в настоящем времени направлены на возобновление отношений с женой – вопреки «безумной игре» в прятки, которую, по его мнению, затеяли родственники. «Алла Сергеевна, лелеявшая свою непогрешимую интуицию, как некогда молодость, предчувствовала неотвратимую катастрофу, масштабов которой она, разумеется, не представляла» [1, с. 108]. Показательно в этой характеристике оксюморонное совмещение «непогрешимой интуиции», подразумевающей умение верно предчувствовать будущее, и неспособности адекватно представить масштабы надвигающейся катастрофы. Очевидно, что убежденность в правоте интуиции принадлежит матери, а комментарий – повествователю (маркирован он вводным словом «разумеется», не относящимся к сфере сознания Аллы Сергеевны). Тем самым полнота компетенций героини поставлена под сомнение – хотя и не опровергнута.

Существование главного героя рассказа – Кожухина – изначально двойственно: формально не порывая связей с прежней действительностью (он продолжает работать, помогает матери, ходит в кинотеатр), Кожухин создает свой особый мир, устройство которого изобличает его безумие. Он рассчитывает вернуть Ольгу, став миллионером (с этой целью он продает свою квартиру и отдает деньги в банк под высокий процент), и твердо убежден, что смерть – «микроб перед его верой» [1, с. 108]. Кожухин постоянно ведет разговоры с женой, только он один и упоминает ее имя: «Также он сказал матери, что говорит со своей женой про себя, и сказал, что хоть и говорит с ней про себя, зная, что она никак не может его услышать, но говорит абсолютно честно и откры-

венно, как будет говорить ей вслух, когда они вновь окажутся вместе» [1, с. 108]; «наверное, будущее за ними, но за мной прошлое, и, кто знает, так ли велико их будущее, как огромно, грандиозно мое прошлое, заметь, Ольга, ведь будущее имеет тенденцию к таянию, мое же прошлое с каждой минутой растет» [1, с. 116].

Образ Ольги возникает, как правило, в ситуации размышления, грезы, воспоминания. Разговоры с женой находятся по другую сторону рутины и повседневной жизни Кожухина. Уместно вспомнить и о том, как Алла Сергеевна характеризует изменившееся поведение ее сына: «...она отметила в нем рассеянность и внутреннюю тревогу» [1, с. 101], не раз она упоминает и о том, что ее сын ведет нелепую (с ее точки зрения), но бескомпромиссную, отчаянную войну с реальностью. Мир, подлинный для Кожухина, лишен времени (в то время как мать в конце лета готовит овощи и ягоды на зиму, Кожухин течения времени просто не замечает), пространственной перспективы (герой живет в «выбранном для жизни месте»), привычных социальных атрибутов (Кожухин выглядит как бродяга, но ходит смотреть французские фильмы о богатых – «дабы воочию – хоть на экране – увидеть, как живут люди, обремененные большими деньгами, с тем, чтобы брать у них уроки» [1, с. 108]). Убежденность героя в необходимости вновь соединиться с женой и совершаемые для этого действия выглядят для читателя логичными и обоснованными – если не принимать во внимание тот факт, что Ольги нет в живых.

Неполнота знания и неточности интерпретации характеризуют позицию и еще одной героини – Ирины, сестры Ольги. Ее отношения с Кожухиными, судя по вскользь брошенным замечаниям повествователя (сориентированным на точку зрения Кожухина), были равными, доверительными, по-настоящему родственными. После смерти Ольги она воспринимает Кожухина так: «...теперь она открывала ему дверь только потому, что не было дверного глазка, невысокая, издерганная, порывистая, и тут же, заслоня собой дверной проем, раскинув руки, сузив глаза, она клялась, что уже сегодня наймет плотника, который сделает так, что она будет видеть, кто звонит к ней в дверь, и тогда он, Кожухин, будет торчать перед дверью хоть до второго пришествия» [1, с. 114]. Ирина «точно знает» (настолько, насколько критерий «точного» и «достоверного» знания может быть применим к сфере компетенций героев Бакина), что именно Кожухин виновен в

смерти Ольги; более того, и его мать подозревается в «соучастии». Ирина видит в Кожухине человека, который теперь добивается и ее смерти. Тем самым героиня оказывается в ситуации если не заблуждения, то незнания истины. Нарратор не озвучивает напрямую точку зрения Ирины – она представлена через речь Аллы Сергеевны: «...она сказала, что мы с тобой заодно, что мы хотим загнать ее в могилу, как загнали Ольгу, а теперь делаем вид, что ничего не случилось, что никто и не умирал, и она была вне себя, и ей кажется, что ты преследуешь ее» [1, с. 115].

Один и тот же факт предъявлен читателю в трех разных проекциях: Кожухин интерпретирует поведение Ирины как часть нелепого розыгрыша, устроенного ею вместе со скрывшейся от мужа Ольгой, Алла Сергеевна видит в нем проявление обиды и даже ненависти к Кожухину, которого Ирина винит в смерти сестры, сама же Ирина объясняет свое нежелание разговаривать с Кожухиным иррациональным ощущением исходящей от него угрозы смерти: «...еще одного прихода вашего сына мне не пережить» [1, с. 117]. Ни одно из этих объяснений не является исчерпывающим – но и не противоречит той картине происходящего, которая существует в сознании каждого из персонажей. Интерпретационные версии наслаиваются одна на другую, просвечивают, оттеняют друг друга. Они подвержены рефракции, которую повествователь намеренно сохраняет и обнажает в тексте.

Самой объективной и независимой должна была бы явиться точка зрения нотариуса, никак не вовлеченного в семейную историю Кожухина. Нестабильная, двойственная ситуация «смерти – несмерти» Ольги, казалось бы, вот-вот разрешится: читателю дан взгляд со стороны, причем взгляд официального лица, к тому же документально подтвержденный. Нотариус показывает Кожухину свидетельство о смерти Ольги – однако реакция героя запрограммирована совсем иной логикой: «Этот гад мне попросту не поверил» [1, с. 118], – говорит Кожухин матери, вернувшись домой.

Финал рассказа акцентирует мотив веры / неверия, определяющий содержательные и композиционные его особенности. Кожухин создал страну лжи – но лишь в ней он находит мир не мнимый, но подлинный. Здесь смерть – нелепая выдумка, безумный розыгрыш, дурного толка спектакль. Здесь время свободно от заезженной «необратимости» и однонаправленности: воспоминания из прошлого перетекают в беседу с же-

ной в настоящем или воображаемый разговор в будущем. Вера в любовь здесь отнюдь не эфемерна – для Кожухина она сильнее вполне материального, с печатями, свидетельства о смерти. Согласно характеристике повествователя, Кожухин ведет себя как человек, стоящий одной ногой в могиле, но именно для него – смерти нет (в то время как все остальные герои рассказа поминутно думают о смерти и пытаются заранее угадать, откуда она может явиться). И лишь исчезновение Ольги оказывается мучительным и болезненным, ибо ее Кожухин ощущает неотъемлемой частью себя самого: «В моей душе была, есть и будет ниша, до миллиметра подогнанная под тебя, и любому другому человеку в этой нише будет либо тесно, как роялю в скрипичном футляре, либо просторно, как смычку» [1, с. 115]. Физическое отсутствие жены для Кожухина равно брешу в его существовании, пробоине, сквозь которую уходят смысл, содержание, вкус жизни.

Вообще, «продырявленность» бытия – устойчивый мотив всей прозы Д. Бакина. Разрывы в материи жизни возникают чаще всего именно там, где необходимы и возможны близость, сплетенность, слитность – в семье, в отношениях мужчины и женщины, родителей и детей. Как справедливо замечает Т. Касаткина, «дыр и выходов в мире Бакина сколько угодно, но место, в которое они ведут, совсем не освоено. Поэтому все связи – как с этим запредельным “местом”, так и внутри наличной половины реальности – случайны и хаотичны, подпадают беспорядку и суеверию. Ибо они в большинстве случаев ведут из ниоткуда в никуда» [5, с. 162]. Отсюда – соединение мистического и плотского, балансирование на стыках жизни и смерти, нерасторжимость логически объяснимого и иррационального в прозе Д. Бакина. В «Стражнике лжи» реальное и ирреальное сплавлены в переживании героя, затягивающем в себя и читателя, и усиливается это со-переживание за счет амбивалентности повествования: любое событие, любая поведенческая реакция, любой мотив того или иного поступка персонажа представлены во взаимоналожении разнящихся (если не взаимоисключающих) точек зрения. Повествователь в рассказе Бакина словно бы намеренно рассказывает историю на разные голоса, почти не позволяя слышать собственного; появление «нейтральных» (не зафиксированных за конкретным персонажем) зон повествования, как правило, призвано обнаружить относительность, ограничен-

ность, недостоверность только что изложенной позиции персонажа.

Однако самый поразительный кунштюк приготовлен читателю в финале: документы, предъявленные нотариусом, безоговорочно подтверждают факт смерти Ольги – но не только не подрывают веры Кожухина, но и укрепляют его в мысли о том, что она жива. И эта заключительная реплика героя оставлена повествователем без комментариев.

Библиографический список

1. Бакин, Д. Стражник лжи [Текст] // Знамя. – 1996. – № 1.
2. Бакин, Д. Страна происхождения [Текст]. – СПб.: Лимбус Пресс, 1996.
3. Белокурова, С. П., Друговейко, С. В. Русская литература. Конец XX века. Уроки современной русской литературы [Текст]. – СПб.: Паритет, 2001.
4. Иванова, Н. Преодолевшие постмодернизм [Текст] // Знамя. – 1998. – № 4.

5. Касаткина, Т. В поисках другой половины [Текст] // Новый мир. – 1996. – № 8.

6. Степанян, К. Реализм как преодоление одиночества [Текст] // Знамя. – 1996. – № 5.

7. Brown, D. The last years of Soviet Russian literature. Prose Fiction 1975–1991. N. Y.: Cambridge University Press, 1993.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bakin, D. Strazhnik lzhi [Tekst] // Znamya. – 1996. – № 1.
2. Bakin, D. Strana proiskhozhdeniya [Tekst]. – SPb.: Limbus Press, 1996.
3. Belokurova, S. P., Drugovejko, S. V. Russkaya literatura. Konets KHKH veka. Uroki sovremennoj russkoj literatury [Tekst]. – SPb.: Paritet, 2001.
4. Ivanova, N. Preodolevshie postmodernizm [Tekst] // Znamya. – 1998. – № 4.
5. Kasatkina, T. V poiskakh drugoj poloviny [Tekst] // Novyj mir. – 1996. – № 8.
6. Stepanyan, K. Realizm kak preodolenie odinochestva [Tekst] // Znamya. – 1996. – № 5.
7. Brown, D. The last years of Soviet Russian literature. Prose Fiction 1975–1991. N. Y.: Cambridge University Press, 1993.